

бы изменить известное унастроение в высоких сферах, а это крайне трудно. Император уступает только страху».

Ну, и государство!

27 декабря. Бедный Жоффе. Его выставили очень грубо.

Немцы ответили на ноту Вильсона, что они были бы счастливы послать своих делегатов в нейтральный город для обсуждения с делегатами Антанты условий мира.

28 декабря. Это настоящее благословение для нас, что боши такие gaffeurs. Поспешив со своим ответом на ноту Вильсона, они принесли много вреда самим себе и показали ослиное копыто.

30 декабря. Если нам не удастся добиться мира, который удалит немцев с Балкан, из Константинополя и Багдадской железной дороги, то в близком будущем возникнет новая война из-за Египта и Индии, и тогда у нас может не оказаться тех союзников, которых мы имеем сейчас. Ради Англии и ее империи мы должны идти до конца, что бы ни говорил Вильсон. Ответ, который будет послан ему в течение будущей недели, является комбинацией парижской и лондонской точек зрения. Ответ на германскую ноту будет здесь опубликован завтра. ⁽⁵⁶⁾

Распутин больше нет, он убит князем Юсуповым, родственником царя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Январь — февраль 1917 года.

1 января. Как хорошо, что Распутин убран с дороги! Убрал его князь Юсупов, получивший законченное образование в Оксфорде и женатый на племяннице императора, на дочери вел. князя Александра и Ксении, сестры императора. Таким образом, это дело вполне семейное. Моим осведомителем является Севастопуло. Как это было сделано, он не рассказывает и, быть-может, не знает. В Москве происходили очень бурные собрания, преследовавшие цель объединения министерства с Думой для лучшего управления страной и действительного ведения войны. Имели место кое-где демонстрации против императора.

Теперь, когда нам известно, кто убил Распутин, было бы интересно узнать, сделал ли он это из националистических побуждений, с целью освободить Россию из-под плохого влияния,

оказываемого при посредстве императрицы на императора. Зদেশние русские ликуют по поводу его смерти. Какое влияние окажет эта смерть на императрицу и императора? Говорят, что единственное чувство, управляющее императором, это страх, а это чувство он должен испытывать в настоящий момент. Мне думается, что Москва и армия зашли слишком далеко по антигерманской дороге, чтобы возвращаться назад, и императору придется либо плыть по течению, либо потонуть. Севастопуло не пытался скрыть свое удовлетворение по поводу смерти Распутина.

2 января. Помимо Юсупова в устранении Распутина замешан, повидимому, великий князь Дмитрий. Тело Распутина исчезло; предполагают, что он убит во время оргии. Некоторое время тому назад передавали, что князь Орлов сделал императору представление относительно близости Распутина к императрице; император отпустил его, сказав, что никогда больше не будет с ним разговаривать. Немного спустя князь Орлов с несколькими приятелями ужинали в отдельном кабинете одного ресторана. Узнав, что Распутин находится в ресторане, они пригласили его в свою компанию. Он согласился, в результате чего был доставлен в госпиталь с поломанными ребрами.

7 января. К устранению Распутина приложили руку не Дмитрий, сын великого князя Константина, как здесь думали, а 25-летний Дмитрий, сын вел. князя Павла от первого его брака с греческой принцессой; вторым браком он женился на разведенной даме, посящей сейчас имя княгини Палей.

Я думаю, что Россия находится на краю революции.

10 января. Отставка Трепова принята, и никто здесь не знает ничего о его преемнике. Враждующие при дворе партии начнут скоро убивать друг друга. Приманкой, привлечшей Распутина в дом, где он был убит, была перспектива встретиться с демимонденками.

Ответ на американскую ноту был передан американскому послу сегодня. Он будет опубликован 48 часов спустя после вручения.

15 января. Я думаю, что скоро должна последовать трагедия во дворце русского императора или революция, поддержанная армией.

В Афинах происходила враждебная Антанте демонстрация резервистов.

14 января. Публика начинает здесь очень беспокоиться по поводу положения дел в России и того влияния на ход войны, которое могло бы оказать исчезновение императора, победа реакционеров или революция. Один французский генерал высказал предположение, что Италия останется на месте, что Россия ничего больше не будет делать, а Франции и Англии придется самим заканчивать войну без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны союзников.

16 января. Руссофильская политика преобладала в министерстве иностранных дел прежде, чем туда пришел Гардинж. В этом направлении действовала группа в составе Грея, Никольсона и Бьюкенена, которого очень ценят. Теперь германские радио обвиняют его в подготовке убийства Распутина. Они утверждают, что в британском посольстве происходило собрание великих князей и других лиц. На этом собрании было решено, что, поскольку Распутина невозможно убрать от императрицы, от него нужно отделаться вовсе. Был брошен жребий, кому быть убийцей. Жребий пал на одного из великих князей Михайловичей. Он от волнения лишился чувств. Тогда Юсупов взял на себя это дело. Бьюкенен гарантировал, что совершивший это дело ни в какой мере не пострадает. По настоянию императрицы, которая смотрит на Распутина, как на мученика, пострадавшего за нее, Юсупов был сослан в свое кавказское имение в сопровождении офицера, а великий князь Дмитрий был сослан в Персию, под охраной генерала. Говорят, что, когда Распутин явился во дворец Юсупова, ему дали револьвер и предложили застрелиться самому, вместо чего он в состоянии бешенства будто бы выстрелил в Дмитрия. После этого его убили.

Несомненно, командующие и войска, находящиеся на французском фронте, ненавидят салоникскую экспедицию, так как она лишает их части войск, которую они рассчитывали иметь в прошлом и в настоящем. Идея салоникской экспедиции в самом начале носила политически-военный характер. Она оказалась ошибкой, поскольку речь идет о соединении с Румынией, затруднении связи между центральными державами и Турцией, и привлечении Константина на нашу сторону.

11 февраля. Сегодня днем ко мне пришел Лиотэ в сопровождении двух офицеров. Я сказал ему, что считаю за великое удовольствие и честь поручение, данное мне королем Георгом, передать ему орден Подвязки за большие услуги, кото-

рые он оказал нашей стране и которые высоко ценятся его величеством и правительством, и т. д. Каковы были эти услуги я лично не знаю, но Лиотэ, повидимому, знает, так как в короткой ответной речи он заявил, что был очень рад оказать эти услуги. Далее, он говорил, о своих хороших отношениях с нашими представителями в Марокко.

27 февраля. Шайка греческих бандитов, состоящая из 150 человек, окружила и изрезала патруль в составе двенадцати сенегальцев. Вследствие этого Саррай дал приказ подчиненным ему войскам убивать всех захваченных бандитов такого рода. Будут ли так поступать британцы, находящиеся под его командованием?

29 февраля. Сегодня я обедал с Блиссом. Я не спрашивал его о намерениях Америки выступить. Он же сказал, что мистер Вильсон готовится ко всем возможностям — весьма загадочное заявление.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Март — апрель 1917 года.

8 марта. Между обоими главнокомандующими замечается расхождение, и военный кабинет предлагает созвать конференцию, чтобы главы правительств приняли окончательное решение о направлении объединенной стратегии союзнических армий; в качестве места встреч они предлагают Лондон.

14 марта. Письма из Петербурга, о которых мне сообщали, оказались пророческими. Революция разразилась. Все министры, за исключением Покровского, министра иностранных дел, в руках революционеров.

Император намерен отвоевать свою столицу! Императрица находится в Царском Селе.

15 марта. Как мне передают, Пишон сообщил по телефону одному из своих друзей, что российский император находится в плену, а Дума правит вместо него при участии брата императора в качестве регента.

16 марта. В «Таймсе», от четверга, напечатана пространная статья «Соединенные Штаты и мир». Говорят, что статья эта инспирирована Вильсоном. Что за вздор! Позвольте нам отказаться от того и другого! Позвольте нам иметь свою соб-

ственную доктрину Монроэ. ⁽³⁷⁾ Этот вздор доставит большое удовольствие малодушной публике.

До сих пор не получены точные сведения об отречении царя. Жюлю Камбону передают, что царь отрекся за самого себя и за своего сына в пользу брата, но что великий князь Кирилл выдвигает себя, предоставляя себя в распоряжение Думы.

18 марта. Я очень сожалею об уходе Бриана. ⁽³⁸⁾ Не думаю, что кто-либо из его возможных преемников смог улучшить дела с точки зрения Англии. Поговаривают о Пенлеве, математике и друге Пуанкаре.

События в России представляют очень пеструю картину. Дума не является высшей властью. Среди революционеров замечаются папифистские элементы.

25 марта. «Виктуар» (Эрвэ) хочет сделать попытку отвлечь Болгарию от центральных держав и Турции; для этого нужно было бы сперва убить Фердинанда; но даже и тогда, что можно было бы предложить Болгарии, когда все, имеющее какую-либо цену, уже обещано другим?

29 марта. Существующее в России правительство не склонно поддерживать Константина; Италия, быть-может, поступит так из ненависти к Венизелосу, который, как они боятся, мог бы сделать Грецию сильной. Преемник Бриана не разделяет его взглядов. Убрать Константина можно только в том случае если Венизелосу будет предоставлена свобода действий, а Константину заявят, что он так часто изменял своему слову, что мы уже не можем дольше гарантировать ему что-либо.

5 апреля. Сегодня днем меня посетил Жоффе. Он пробыл у меня три четверти часа. Я спросил его, считает ли он возможным прорваться в Германию, и если да, то возможно ли достигнуть Рейна. Он ответил утвердительно, но добавил, что это потребовало бы много времени. Он полагает, что в этом году немцы, пожалуй, запросят мира или перемирия; в таком случае Антанта должна будет потребовать оккупации германской территории, вплоть до Рейна. Немцы изнурятся до смерти, прежде чем согласятся на такие условия.

8 апреля. Сегодня днем у меня был с визитом Рибо. Он очень озабочен и озадачен позицией итальянского правительства, его криками о необходимости материальной помощи со стороны Франции, его территориальными претензиями в Малой Азии и, наконец, требованием о допущении итальянских

представителей в состав политической миссии в Сирию и Палестину, что он считает совершенно недопустимым. Он намерен в ближайшем будущем отправиться в Лондон для совещания с Ллойд-Джорджем. Я спросил у него, ликвидированы ли трения между генералом Нивеллем и сэром Дугласом Хэгом. Он ответил, что соглашение достигнуто ценою своего рода компромисса. Я задал ему также вопрос, считает ли он военных способными принимать участие в гражданских делах; я столкнулся с большими трудностями, пытаюсь растолковать им гражданскую точку зрения в делах, касающихся Франции, так как их претензии были чрезмерны. Рибо согласился, что в такого рода делах военные невозможный народ. Часто поступают на них жалобы от населения, находящегося в районах, занятых британской армией.

Рибо говорил далее об участии Соединенных Штатов в войне против Германии. Я высказал предположение, что американский флот может оказать большую помощь в деле истребления германских подводных лодок, но что военная помощь, которую мог бы оказать американский контингент, присоединившийся к французской армии, в течение долгого времени будет оставаться не более как демонстрацией. Рибо согласился; он опасается, что Германия, прежде чем она будет побита как следует, может предложить условия, которые покажутся приемлемыми президенту Вильсону, но будут отнюдь не приемлемы для Франции и Англии; в таком случае Вильсон сможет оказать давление на государства Антанты. Я заметил также, что когда немецкие подводные лодки потопят большое количество американских кораблей, то американцы разгорячатся и будут настаивать на доведении войны до благоприятного конца.

20 апреля. Ллойд-Джордж вернулся сегодня утром из Сен-Жан-де-Мориена; он пришел ко мне в три часа пятнадцать минут, и я беседовал с ним в течение четверти часа. Он был очень удивлен моим здоровым видом, после того как я пролежал месяц в постели; я объяснил это англо-саксонской природой. Я спросил Ллойд-Джорджа, удалось ли ему разузнать что-либо у Рибо касательно его политики в отношении Греции, так как он намерен поступать иначе, чем Бриан. Ллойд-Джордж ответил, что Рибо парламентарий, постоянно думающий о голосах в Палате; он хотел бы избавиться от короля Константина, но не от наследника.

Беседуя о Палестине, я заметил, что евреи не воинственная нация, и высказал предположение, что если мы будем поддерживать сионистское движение и учредим в Палестине еврейские колонии, то они будут не в состоянии держаться против арабов без британской и французской поддержки; и я спросил его, как бы отразилась такая поддержка на отношении арабов к Англии. Я напомнил также Ллойд-Джорджу, что влияние Франции в Палестине и Сирии основано на деятельности французских католических священников и руководимых ими школ, и высказал предположение, что протестант Рибо, будучи, быть-может, лично склонным допустить справедливость наших претензий в Палестине, не осмеливается все же согласиться на британский протекторат над Палестиной и бросить таким образом вызов комбинации из французских шовинистов, французской необразованной публики, священников и прочих католиков во Франции. Ллойд-Джордж не знал, что Рибо протестант, но добавил, что французам придется примириться с нашим протекторатом: мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там, так как не исповедуем никакой особой веры и являемся единственной державой, способной управлять магометанами, евреями, римскими католиками и вообще людьми каких угодно религий. «В таком случае, — сказал я, — вы предлагаете, чтобы мы стали на место, которое занимали турки, т.-е. чтобы мы поддерживали мир между различными религиозными и политическими группировками?». «Да», — сказал Ллойд-Джордж.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Май — июнь 1917 года.

2 мая. Ллойд-Джордж со своей свитой прибудет завтра вечером.

5 мая. Я прибыл на Кэ д'Орсэ одновременно с Буржуа.

Извольский прибыл к концу конференции; он был задержан в Елисейском дворце, куда он отправился для представления своих новых верительных грамот. Было комично слышать из его уст декларацию от имени российского правительства, что греческому народу должна быть предоставлена возможность выбора республиканской или монархической формы правления для Греции.

18 мая. Извольский, как говорит Жюль Камбон, намерен побудить «*Matin*» к заявлению, что император Николай, подписывая непосредственно после русско-японской войны оборонительный и наступательный союз с императором Вильгельмом,⁽⁵⁹⁾ в действительности не совершил акта предательства по отношению к Франции. Это было лишь актом слабости, так как император Вильгельм убедил его, что Франция присоединится к союзу, который замышлялся против Англии! Таким образом, оказывается, что разоблачение не было уткой.

От визита, который я сделал Жюлю Камбону, у меня осталось впечатление, что условия в России теперь менее безнадежны. Но я с ужасом думаю, что она уже никогда не принесет пользы.

19 мая. Сегодня утром я узнал, что Извольскому советовали делать какие-либо публичные декларации. Ему растолковали, что заявление его, сделанное, на первый взгляд, с целью уменьшить вину его бывшего хозяина, не порадует ни императора, ни его семью, ни его сторонников и в то же время несомненно не улучшит отношений между Извольским и нынешней властью. Мне передают, что Временное правительство в Петербурге обсуждает вопрос об опубликовании докладов Извольского по вопросу о Константинополе во время визита в Россию Фальера, в сопровождении Пуанкаре, а также из более поздней эпохи, предшествовавшей выборам последнего в президенты Республики. Было бы интересно почитать эти донесения, но возможно, что они скомпрометировали бы кое-кого.

22 мая. Сведения из России несколько более благоприятны. При встрече со мною сегодня утром Извольский сказал, что армия «образумится» раньше, чем народ внутри страны. Он полагает, что наступательные действия будут возобновлены не позже, чем через месяц.

24 мая. Рибо отправляется в Лондон. Я боюсь, что в Лондоне есть склонность к уступчивости в отношении наших целей и намерений. Здесь господствует большое недовольство позицией России. Без аннексий и без контрибуций — это полнейший вздор, если Антанта будет когда-нибудь в состоянии вынудить их. Многочисленные депутации, явившиеся к Рибо с протестом против разрешения французским социалистам отправиться в Стокгольм,⁽⁶⁰⁾ а также, думаю мне, настроение в кабинете придали бодрости Рибо. Он заявил в Палате, что правительство ре-

пило не выдавать паспортов в Стокгольм французским социалистам. Несколько позднее, быть-может, им дадут паспорта в Петербург, когда не будет более опасности, что французские социалисты встретятся с германской социал-демократией. Здесь замечается дух беспокойства; имели также место демонстрации, заставившие полицию «обнажить сабли». Рибо заявил, что будут предприняты все необходимые шаги для поддержания порядка и экзекуции иностранцев, вызывающих забастовки и беспорядки, и что мир должен быть французским миром, а не германским, и что он явится результатом победы французов.

28 мая. Забастовки женщины имеют в известном отношении оправдание, но они могут повести к забастовкам мужчин, а это было бы серьезно, если только власти не будут действовать с быстротой и решительностью, признаков чего, однако, до сих пор не видно. Заметно очень сильное разочарование и недовольство по поводу краха, пусть даже только временного, русского наступления, и по поводу ограниченного успеха наступательных операций Нивелля. Угнетение, испытываемое во Франции из-за неоправдавшихся надежд на Россию, было несколько облегчено присоединением Соединенных Штатов к делу Антанты. Теперь, когда Америка вошла в число союзников, ожидают что блокада Германии сможет быть усилена; приветствуют американский флот, но опасаются, что настоящая военная помощь не подоспеет во-время, чтобы заменить русское наступление и добиться поражения Германии в ближайшем будущем.

Кампания против Пуанкаре продолжается.

30 мая. Здесь чувствуется беспокойство из-за непрерывных забастовок, в которых участвуют преимущественно женщины, но к ним могут примкнуть и мужчины; в связи с забастовками возможны также хулиганские демонстрации, якобы против дороговизны продуктов питания.

1 июня. Очень угнетающе действует социалистический кризис, непрерывные забастовки, анархия в России, вместе с ее последствием — затишьем на русском фронте в Европе, а также то обстоятельство, что французские войска, в боях с немцами на французском фронте, не оправдали преувеличенных надежд публики. Солдаты в траншеях проявляют признаки неудовольствия по поводу незначительности успехов, а проектируемая встреча французских социалистов с неприятельскими социалистами в Стокгольме показывает им, что мир может быть достигнут незави-

симо от целей, за которые им пришлось сражаться. Главный аргумент, выдвигаемый в пользу поездки социалистов Антанты в Стокгольм, заключается в том, что если русские, германские и австрийские социалисты встретятся, то при отсутствии советов и помощи со стороны социалистов Антанты, русские смогут прийти к соглашению с социалистами центральных держав.

2 июня. Сегодня утром я виделся с Жюлем Камбоном. Он рассказал мне, что встретился с Извольским во время своего посещения министерства иностранных дел. Извольский сообщил ему, что в русское посольство пришла телеграмма, как раз в тот момент, когда он выходил из посольства, направляясь на Кэ д'Орсэ. Возможно, что она содержит инструкции касательно сообщений, которые нужно сделать Рибо в связи со Стокгольмской конференцией, вопрос о которой будет поставлен на обсуждение сегодняшнего заседания Палаты. Поэтому он дал распоряжение отправить ему телеграмму на Кэ д'Орсэ, как только она будет расшифрована. Вслед за тем Извольский говорил о пустяках, пока ему не принесли конверта с печатью посольства. Он вскрыл его и нашел следующее: «Вам предлагается прекратить исполнение ваших обязанностей и передать дела посольства советнику Севастопуло». Извольский прочел это вслух Жюлю Камбону, добавив: «Я пришел к вам послом и ухожу простым частным лицом». Он должно быть сделал что-нибудь, чтобы заслужить такого рода отставку от такой сволочи — правительством ее нельзя назвать, — которая стоит у власти в Петербурге.

Если бы Рибо не заявил в Палате, что паспорта в Стокгольм французским социалистам выданы не будут, то произошел бы кризис кабинета. Забастовки принимают серьезный характер, и если не будет проявлена твердость, неизбежны бунты и кровопролития.

Лондон, 9 июня. Биржевая телеграфная компания сообщает следующее: ожидается, что лорд Берти, имевший вчера аудиенцию у короля в Бёкингемском дворце, в ближайшем будущем оставит пост британского посла в Париже.

11 июня. Меня спрашивают, верно ли сообщение газет? Я отвечаю, что мне не предлагали подавать в отставку, и что у меня нет оснований для этого, так как я совершенно выздоровел и не сознаю себя духовно неспособным. Я завтракал у Лэнсдоуна. Лэнсдоун осведомился, не будет ли с его стороны

нескромностью спросить меня, верно ли, что я останусь послом до окончания войны? Я ответил, что Грей просил меня об этом, но что эта просьба и мое согласие не обязательны для нынешнего правительства.

12 июня. В сегодняшнем номере «Таймс» публикует над передовой следующее краткое сообщение:

ЛОРД БЕРТИ.

«Ходит слух, что лорд Берти-оф-Тэм намерен покинуть свой пост британского посла во Французской республике, который он занимал в течение многих лет, обнаруживая большое умение. Мы уверены, что этот слух лишен какого бы то ни было основания. В настоящий критический момент войны, трудно было бы сделать большую ошибку, чем удалить из парижского посольства такого выдающегося общественного деятеля, имеющего такие заслуги, какие имеет лорд Берти, если только это изменение не вынуждено состоянием его здоровья. Между тем, этого нет. Здоровье лорда Берти превосходно, и бдительность его при охране францужско-британских интересов не претерпела умаления. Он пользуется в небывалой степени доверием французов, и его твердость оказала неоценимые услуги за последние три года. Он не достиг еще предела своих услуг ни по отношению к своей стране, ни по отношению к великому союзнику, при котором он аккредитован. Поэтому мы вместе с теми, кто больше всего призваны правильно оценивать положение со всех точек зрения, надеемся, что лорд Берти не только останется в Париже послом, но что он получит также полную поддержку. В момент, когда во многих странах сторонники компромиссного мира осмеливаются поднимать головы, мы не можем позволить себе роскошь ослаблять нашу бдительность, или сменять стража, занимающего пост, требующий наибольшей испытанности».

Я замечаю здесь в общем угнетенное умонастроение. Число британских судов, потопленных подводными лодками, вновь возросло, но возросло также число подводных лодок, подстреленных нами. Говорят, что Асквит намерен спихнуть Ллойд-Джорджа. Мне кажется, что это сейчас невозможно.

23 июня. Положение в России меняется изо дня в день и отнюдь нельзя быть уверенным, что русские перейдут в наступление. Клемансо говорит, что при дополнительном давлении со стороны германских войск, переброшенных с русского фронта

на французский, активное наступление французов невозможно. Поэтому будут производиться демонстративные наступательные действия, подобно тем, которые практиковались англичанами, с целью отвлекать немцев, пока американцы не подспеют для крупных наступательных операций, которые начнутся, быть-может, не ранее, чем через год.

24 июня. Много хлопот наделали здесь русские части. Их перевели в тыл французского фронта, они не хотят сражаться и не хотят никуда переводиться. Они были обработаны русскими анархистами.

27 июня. Три представителя Британской рабочей партии, член парламента О'Грэдди, Эшльтон и Шорт, были в России. Они верят в возобновление русского наступления в ближайшем будущем. Они не любят Кайо и его методов и целей, но на них произвело впечатление, что в широких кругах французских социалистов есть стремление к окончанию войны, и что Кайо является человеком, который может этого добиться.

Пишон сказал вчера, что если бы Мальви арестовал зачинщиков беспорядков, вместо того, чтобы играть им в руку, то опасные демонстрации прекратились бы.

28 июня. Все признают, что моральное состояние части французской армии ухудшилось вследствие потерь и неудач Нивелля, вследствие поражения России и бунта русских частей на французском фронте, а также вследствие затишья на этом фронте. Кайо и К⁰ пытаются использовать этот моральный упадок для агитации за мир любой ценой. Не думаю, чтобы они завербовали много сторонников, если только дела не ухудшатся еще на много. Наша непрерывная наступательная оборона, уверенность наших солдат и перспектива американской военной помощи, думается мне, поддерживают настроение во Франции.

30 июня. Известные силы по ту сторону канала, повидимому, продолжают верить и добиваться сепаратного мира и сионизма! ⁽⁶¹⁾ Германию необходимо как следует добить, прежде чем она станет искать мира. Компромиссный мир повлек бы за собою склоку между союзниками из-за вопроса о том, кому платить за разбитые горшки и кому жертвовать благами, на которые они рассчитывают. Попытки отделить Болгарию и Турцию были бы более чем бесполезны. Болгария не может высвободиться из австро-германских объятий, а для того, чтобы отделить Турцию, Антанте пришлось бы распрощаться со всякой

мыслью о Месопотамии, Аравии, Палестине, Армении и сферах влияния в Малой Азии, или, по крайней мере, с некоторыми из этих идей. Кто из союзников Антанты готов пойти на требуемые жертвы? Нет, мы должны продолжать борьбу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Июль 1917 года.

2 июля. Мне передают, что секретные заседания были необычайно шумные, и что на них раздавались крики: «в Версаль», другими словами, требования Национального собрания для выборов президента. Удивительно, до какой степени мало секретны эти секретные заседания.

4 июля. Здесь полагают, что русские действительно начинают оправляться.

Томас не имел того успеха в России, который ему приписывается, — по крайней мере, он не имел успеха с точки зрения французских интересов. ⁽⁶²⁾ Он выступал в пользу плебисцита по вопросу об Эльзас-Лотарингии. Вслед за тем ему пришлось брать обратно свои слова, и в настоящее время Рибо начисто отверг такого рода идею. Плебисцит всегда может быть сработан оккупирующей военной силой в желательном ей направлении. Если бы в Эльзас-Лотарингии не находились германские войска, а, напротив, французские войска были бы там, то для решения в пользу Франции не потребовалось бы никакого плебисцита.

5 июля. Мадам Х. посетила меня, чтобы поделиться своими опасениями. Состояние армии ужасно, мы должны притти на помощь, расширив наш фронт. Пенлеве находится в опасности. Если он станет действовать согласно требованиям депутатов, то Петэн подаст в отставку. Если он будет противиться депутатам, он будет свергнут. Петэн способный генерал и пользуется популярностью в армии, но у него слишком много самолюбия, чтобы он согласился обратиться за помощью к британской армии вследствие плохого состояния французской. Наступление Нивелля обошлось в 140 тысяч жертв убитыми, ранеными и пленными, его армии совершенно деморализованы и отказываются сражаться. Нивелль принял от Жоффра его штаб, который оказался негодным, а к Петэну перешел штаб Нивелля. Необходима основательнейшая чистка. Палата намерена

послать гражданских комиссаров для контроля над армиями. Петэн откажется принять их и подаст в отставку. Пенлеве оказался между молотом и наковальней. Он очарователен, умен, хорошо говорит, но у него нет достаточной решительности. Он должен был бы высказаться до конца и настоять на привлечении английской помощи. Мадам Х. хочет послать двух депутатов, враждебных Пенлеве (если он не решится действовать), в Англию с рекомендательными письмами к Артуру Бальфуру и Джорджу Керзону, которых она знает лично, дабы эти два депутата могли официозно обрисовать критическое положение и указать на меры к улучшению, т.-е. на необходимость более широкого британского фронта. Я спросил, почему Пенлеве не может сделать соответствующее представление, пользуясь обычными путями. Она сказала, что он слишком робок. Она хотела, чтобы он сам отправился в Англию. Я сказал ей, что Пенлеве бывал там не раз, что он был там после наступления Нивелля, что он хорошо знает Ллойд-Джорджа, наконец, почему Рибо не вмешивается в дело, если во французской армии действительно господствует такое плохое настроение, как она говорит. «Все здесь слишком робки, революция идет», — ответила она. Она хочет, чтобы я встретился с Пенлеве в ее доме, а не по собственной инициативе. Я сказал, что сделаю ему визит в военном министерстве. Депутаты, которых она хотела бы послать в Лондон, это Абель Ферри, докладчик военной комиссии Палаты, и Фавр. Я высказал предположение, что публичное заседание, которое последует за секретной сессией, покажет, жизнеспособно ли министерство, и останется ли Пенлеве на посту военного министра, а пока эти вопросы не будут решены, бесполезно посылать депутатов в Лондон для обсуждения вопроса о состоянии французской армии и о расширении британского фронта. Этим я от нее отделаюсь.

12 июля. Рибо отклонил всякую мысль о плебисците, как способе решения судьбы Эльзас-Лотарингии, заявив, что кабинет, включая заблуждающегося Тома, единодушно считает право Франции на эту область неотъемлемым.

14 июля. Пенлеве посетил меня сегодня днем. Я рассказал ему о желании депутатов беседовать со мной по вопросу о расширении британского фронта, о моем отказе принять их, о том, как один депутат писал мне, что хочет быть принят по вопросу общего характера, при чем я не мог предпола-

гать, что речь идет о британском фронте. Между тем, на деле, речь шла именно об этом. Я рассказал о моем отказе предпринять какие-либо шаги, о визите мадам Х. и ее заботах о спасении Пенлеве по личным и патриотическим соображениям, о ее предложении дать рекомендательные письма к Артуру Бальфуру и лорду Керзону двум депутатам, чтобы они получили возможность изобразить опасность положения и спасти министерство и Францию растяжением британского фронта на 135 километров, иначе будет хаос и революция. Он сказал, что когда дамы вмешиваются в политику, то они обычно делают вздор. Посетивший меня депутат и упомянутая дама сильно преувеличивали серьезность положения. Замечается недовольство среди пострадавших частей, и существует мнение, что Франция несет чрезмерную долю тяжести войны, но не было никаких бунтов и криков «да здравствует мир!». Военное положение в ближайшем будущем будет расследовано при участии британских авторитетов. Он поблагодарил меня за ответы, данные мною депутату и мадам Х. Я сказал, что моя информация была бы для него полезнее, если бы он смог принять меня не после, а до секретной сессии и открытого заседания. Он не ожидает никакой опасности со стороны намеченного секретного заседания сената. Он упомянул о необычайно ребяческом поведении русских частей во Франции. Я упомянул о мирной пропаганде финансистов, среди которых много евреев и лиц еврейского происхождения, а также других, думающих только о деньгах. Он за борьбу до конца.

17 июля. Социалисты обсуждают вопрос, предложить ли Альберу Тома выйти из министерства. Ренодэль и Лонгэ намерены принять участие в намечаемой международной конференции, на которой будут присутствовать немцы. Допустит ли союз кочегаров, чтобы Рамзей Макдональд⁽⁶³⁾ отправился на конференцию при условии, что они пошлют своих делегатов, которые будут слушать его речи и, в случае надобности, возражать ему? Немцы пытаются раздуть здесь огонь революции и вражду против Англии, как виновницы продолжения войны; будет сделана попытка использовать в качестве козыря вопрос о колониях, Месопотамии и т. д., и, таким образом, возложить на нас вину за оттяжку мира. Если бы только русские дети согласились быть серьезными на три месяца! В таком случае мы могли бы дожидаться американцев, которые

придут следующей весной, и добиться полного краха Германии и ее союзников.

20 июля. Сообщение о предстоящей конференции, опубликованное в сегодняшних утренних газетах, вызвало гнев находящихся здесь сербского и румынского посланников. Говорят, что официально будут представлены только Франция, Англия, Италия и Россия. Сербия, Румыния и Греция будут иметь только совещательный голос. Они протестовали в письменной форме и настаивают на своем участии в конференции на равных правах с великими державами, так как дело идет об их национальных интересах. Русский поверенный в делах Севастополю поддерживает их требования. Черногория заявляет протест по поводу того, что она даже не упомянута, и требует тех же прав, которые будут предоставлены Румынии, Сербии и Греции. Можно себе представить, как мы будем драться, когда дело дойдет до обсуждения мирных условий наших союзников и до вопроса о том, кто будет платить за получение так называемого разумного мира. Такой мир не порадует никого и огорчит очень многих. Карсон, как видно, говорил, что мы должны быть готовы обсуждать условия мира, если немцы в качестве гарантии согласятся увести свои войска за Рейн. Жоффр говорил мне, что если немцы запросят мира, то державы Антанты должны в виде гарантии германской искренности занять левый берег Рейна.

22 июля. Выдвинуто предложение, исходящее от русского министра иностранных дел, относительно созыва в сентябре конференции Антанты для обсуждения «целей войны». ⁽⁶⁴⁾ Несомненно, такого рода конференция вскрыла бы крупные разногласия и привела бы к прениям о том, кто из союзников должен умерить свои требования ради достижения мира. Германское правительство, несомненно, получало бы информацию о ходе конференции и использовало бы получаемые сведения для разжигания споров между противниками Германии. Единственный способ обеспечить удовлетворительный и длительный мир, это поставить Германию на колени. В этом случае риск серьезных разногласий между державами Антанты был бы меньше.

26 июля. Министр Гендерсон намерен привезти в Париж русских социалистических делегатов и представителей британской рабочей партии, Уэрдля и Макдональда. Как это излишне! Зачем потакать русским экстремистам?

27 июля. Ллойд-Джордж оставил здесь Джорджа Юнга, одного из секретарей военного кабинета. Он должен оказывать содействие Гендерсону и в то же время наблюдать за этим человеком, бывшим недавно в России и намеревающимся привезти завтра в Париж пацифистских членов Рабочей партии, Уэрдля и Макдональда, для совещаний с французскими социалистами. Гендерсон намерен посетить меня и иметь со мной беседу, а Юнгу удалось выведать желание Ллойд-Джорджа, чтобы я дал Гендерсону хороший и успокаивающий совет и сделал, таким образом, попытку удержать его от опрометчивости. Ллойд-Джордж нервничает из-за положения на театре войны и из-за возможности, что британские, французские и русские пацифисты вынудят неудовлетворительный мир. Он намерен взять их обманом. Мне необходимо повидать Рибо до встречи с Гендерсоном, чтобы убедиться, осведомлен ли Рибо об этой миссии и ее целях, и узнать его мнение.

28 июля. Я посетил Рибо для беседы о намерениях социалистов. Он сказал мне, что Альберу Тома поручено следить за англо-русскими делегатами. Непосредственно перед тем я виделся с Тома, который выехал для встречи Гендерсона и его спутников. Я сказал ему: «Надеюсь, что вы помешаете им делать глупости». «Я попытаюсь», — был его ответ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Август 1917 года.

Лондон, 6 августа. Некоторые идиоты из числа случайных английских путешественников привезли с собою в Лондон из Италии и Франции убеждение, что обе эти страны не смогут выдержать еще одну зимнюю кампанию. И вот «некое влиятельное лицо» — я его не знаю — использует эту информацию для агитации за преждевременный мир, из опасения, что позже будет хуже для нас. Как настойчивы, однако, эти евреи и другие пацифисты!

9 августа. Здесь носят слухи, что Франция принуждена заключить мир и не может продержаться еще одну зимнюю кампанию. На самом деле пацифисты несколько дней тому назад подхватили в Париже сведения об английских жертвах и действуют ими на податливость французов, подчеркивая в то же

время необходимость возможно более скорого мира в наших собственных интересах. Пацифисты, финансисты, германофилы и франкофобы проповедуют здесь в Лондоне мир почти что любой ценой, доказывая, что немцы готовы согласиться на справедливый мир.

11 августа. Гендерсон натворил недурную путаницу с рабочей конференцией. Еще накануне своей речи он знал, что нынешнее русское правительство отказалось от какой бы то ни было связи со Стокгольмской конференцией. Тем не менее, он настаивал перед рабочей конференцией на принятии предложения русских социалистов об участии в Стокгольме, на встрече там с неприязнательскими делегатами и на предварительном обсуждении с ними мирных условий на основе не связывающих резолюций. Я думаю, что при таких обстоятельствах британское правительство не может дать паспорта британским делегатам. Я полагаю также, что Гендерсон не сможет оставаться членом военного кабинета. Этот джентльмен ждет, что обстоятельства совпадут с его предвзятыми взглядами. Если такого совпадения нет, то он сердится на обстоятельства, но продолжает поступать и высказываться, не меняя своих взглядов.

12 августа. Итак, Гендерсон уехал. Он сыграл весьма печальную роль. Не думаю, чтобы кабинет мог дать паспорта на Стокгольмскую конференцию. Я уверен, что французское правительство этого не сделает.

Париж, 23 августа. Я виделся с Пенлеве и просил его помочь мне в устранении создавшегося в Англии впечатления, будто здесь колеблются относительно продолжения войны. Он согласился с теми соображениями, которые я высказывал, когда мне доказывали возможность уступок. В вопросах и общей позиции Ллойд-Джорджа он заметил наклонность к сомнениям. Он намерен вновь посетить меня. Мои замечания сводились к следующему: если по окончании нынешнего наступления англичане растянут свой фронт и удержатся, то Франция будет продолжать борьбу до прибытия американцев. Я указал также, что большой вред наносят нам известные лица, распространяющиеся здесь о нежелании Англии продолжать войну и посылающие в Англию ложные сообщения о моральном состоянии французских войск, с целью доказать, что они не выдержат новой зимней кампании.

25 августа. Вчера вечером я посетил Альбера Тома. Я рассказал ему, как я отвечал у себя дома на предположение, что Франции не выдержать новой зимней кампании. Он говорит, что я высказывался правильно. Он отправляется сегодня в Англию для встречи с социалистами. Я посоветовал ему говорить очень решительно со всеми теми, кого он знает как малодушных. Я сказал ему также, что существует комбинация из финансистов, еврейских и христианских, из папифистов по убеждению и инспирированных немцами агентов, ставящая своей целью агитацию за скорый и вследствие этого преждевременный мир. Я высмеивал идею об отделении Болгарии или Австрии от Германии путем переговоров. Никто из них не смог бы подписать и соблюдать сепаратный мир, только удары могут заставить народы сбросить своих правителей, но Турцию, пожалуй, можно было бы купить. В виду того, что папская нота ⁽⁶⁵⁾ была германским зондом и не создала в странах Антанты той атмосферы, которой желали и ожидали ее авторы, нам предстоит дальнейшие объяснительные ноты папы, которые будут указывать, что он был неправильно понят, и что он имел в виду более благоприятные условия для Бельгии и Франции. Лучшим ответом на германо-папское предложение являются успехи французов и итальянцев и в придачу к ним наши выходы на севере. Тома верит в воскресение России. Было бы чудом, если бы она смогла сделать что-либо путное до наступления зимы.

28 августа. В Турине произошли серьезные беспорядки с участием анашей, у которых найдено было много денег. Убито 27 человек.

29 августа. Газеты ничего не сообщают о ходе междусоюзнической социалистической конференции в Лондоне.

30 августа. Я имел интересную беседу с господином Кадманом, который завтракал у меня сегодня. Французские власти знали о залежах сланца на юге, но до сих пор настолько легко было получать нефть, что они считали излишним экспериментировать со сланцами. Он пытается втолковать правительству, что недостаток тоннажа вынудит нас радионировать потребление керосина и нефти во Франции, а французскому правительству, в свою очередь, придется радионировать потребление отдельных лиц. В настоящий момент почти всякий, имеющий знакомство в учреждениях, может получить, примерно, то же количество,

которое имею я, т.е. триста литров, что равняется 60 галлонам в месяц.

31 августа. Ответ Вильсона папе блистателен. Он говорит, что не может позволить себе смелости высказываться об императорах и правящих кругах центральных империй. Русские продолжают свою возню и не сражаются, чорт их возьми! Лондонская конференция междусоюзнических социалистов потерпела, повидимому, фиаско, но переговоры, вероятно, возобновятся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Сентябрь 1917 года.

4 сентября. Итак, Рига слана без боя. Что за сволочь эти русские!

6 сентября. Пенлеве очень озабочен внутренней политикой, и это неудивительно. Военный атташе думает, что падение Риги не поколеблет французов. Сегодня я видел своего бывшего повара, находящегося сейчас на фронте в колониальном пехотном полку. Я спросил его относительно недовольства. Он ответил, что кое-где недовольство заметно из-за того, что война затягивается, но вместе с тем солдаты сознают, что необходимо продержаться еще одну зиму для получения приемлемого мира.

11 сентября. Что за шабаш происходит в России! Я надеюсь, что Корнилов почистит как следует этих солдат-социалистов, удирающих с фронта. Только что появился список нового кабинета (10 ч. 30 м.).⁽⁶⁶⁾ Тома возвращается в министерство, и передают, что Рибо согласился принять портфель министра иностранных дел. Не могу понять, как это Рибо соглашается на понижение. Я рад все же, что не приходится начинать все дело с новым человеком. Передавали, что социалисты будут настаивать на передаче Тома портфеля министра иностранных дел на том основании, что в России ожидали назначения его послом. Это было бы, в самом деле, смешно. В русских делах он оказался ложным пророком. Главные его предложения, именно, участие в Стокгольмской конференции и плебисцит относительно Эльзаса-Лотарингии, пришлось отвергнуть. Когда я видел его дней десять тому назад, он все еще продолжал думать, что русские вернутся на свое место. Между тем, это было как раз накануне бегства русских из Риги.

16 сентября. Вчера за обедом я встретился с Мэссими и его женой. Он был военным министром в начале войны. Он безусловно не оптимист. Он говорит, что война целиком ведется в расчете на истощение, и исход ее зависит от того, какая сторона потеряет больше убитыми. Он не считает возможным настоящий прорыв германского фронта ни во Франции, ни в Бельгии. Если Франция и Англия могут держаться без России один год, два, три или даже больше, то это превосходно, но народы устанут раньше этого срока. Что касается мира, то он полагает, что французы были бы рады получить Эльзас-Лотарингию ценою возврата Камеруна и отдачи французского Конго, при условии отказа обеих сторон от контрибуций. Я высказал предположение, что немцы захотят получить обратно все свои прежние колонии, и что требование их послужит им предлогом сказать французам: «Англия преграждает вам путь к Эльзас-Лотарингии, отказываясь возвратить германские колонии». Я полагаю, что он опьянел от собственных слов, ходя из угла в угол комнаты. Надеюсь, что среди французских генералов немногие разделяют его образ мыслей.

Три новых министра посетили меня. Они оплакивают русских. Если русские возобновят наступление, то это будет приятным сюрпризом. В России дела идут с каждым днем все хуже и хуже, но приближаются осенние дожди, и крупные передвижения германских войск будут затруднены грязью.

17 сентября. Утверждают, что Винстон сказал будто бы: «Генералы не хотят заключать мира, а адмиралы не хотят сражаться». Предполагают, что он высказывался за перемирие на французском фронте до тех пор, пока американцы прибудут со своими силами.

Все новые министры, которых я видел, стоят за войну до конца. Они считают, что Россия вышла из игры, и будут довольны, если русские устоят на месте и удержат какое-нибудь количество немцев.

20 сентября. Меня посетил один итальянец, с которым я познакомился в Риме, некий сэр Филиппо де-Филиппи. Он находится на пути к британскому фронту, а затем в Англию. Он, повидимому, сильно сомневается, чтобы стойкости Италии хватило более чем на год или хотя бы на год: он только надеется на это. Недостаток угля и пшеницы, а также общее положение во Флоренции, Турине и Романьи может привести

к требованиям мира. Итальянцы намерены командовать над Триестом, но не вступать в него, так как, если бы они вступили в город, то австрийцы разрушили бы его бомбардировкой.

21 сентября. Большинство Палаты настроено в пользу выжидания прибытия американских сил, так как эксперимент Нивелля доказал Петэну и Фошу ошибочность политики, сводящейся к потере людей в предприятиях, обреченных на неудачу, и в попытках прорыва германского фронта без подавляющего количественного превосходства. Социалисты, однако, доказывают, что даже при тактике выжидания и сопротивления германским атакам ежемесячные потери через шесть месяцев окажутся больше потерь, ожидаемых в случае немедленного энергичного наступления, но социалистический идеал — это отказ от аннексий и контрибуций, участие в Стокгольмской конференции. Они верят также или притворяются, будто верят, в возможность Лиги Наций, которая сможет вынудить мир между народами, когда последние обнаружат склонность к склоке и борьбе. Но кто же примет на себя роль полицейского? Тома хочет поддеть Рибо его парламентской декларацией о том, что Франция не идет ни аннексий, ни контрибуций и требует только дезаннексии Эльзас-Лотарингии и возмещения убытков за разрушения, причиненные неприятелем. Тома истолковывает речи Рибо и министерские декларации в том смысле, что Франция отказывается требовать, в случае полного поражения Германии, занятия левого берега Рейна. Я уверен, что в таком случае французская публика потребует, чтобы нынешние владения Германии на левом берегу были дезаннексированы, и вместе с исправлением французской границы, необходимым для военной обороны Франции, области эти составили бы буферное государство между Францией и Германией. Социалисты непрактичные люди. Казалось бы, эта война должна научить их кое-чему о человеческой природе, в частности о бесчеловечной природе Германии, и о том, как германские социалисты приспособили свои старые теории к замыслам Германии, к ее жестокостям и к ее способам ведения войны.

22 сентября. Не так давно еще я упоминал о мятежном состоянии некоторых русских бригад, прикомандированных к французской армии. Они не хотят сражаться, не хотят передвигаться; они провикли в соседние французские части; их увели в тыл. Одна русская артиллерийская бригада была нап्रा-

влена через Францию в Салоники. Она окружила своих мятежных соотечественников и выпустила по ним 600 снарядов, при чем десять человек было убито, остальные же сдались и ожидают своей отправки в Россию в качестве пленных.

Им долго придется ждать!

Жюль Камбон говорит мне, что нацифисты опять усиленно принялись здесь за работу.

25 сентября. Французская пресса высмеивает ответы императора папе; однако, «Юманите» ⁽⁶⁷⁾ хочет, чтобы Антанта довела до сведения немцев свои условия мира. По этому поводу газета пишет:

«Не находятся ли союзнические демократии в выгодном положении перед лицом этих двух империй, которые развязали войну и которые не решаются громко высказать свои условия мира? Эти демократии могут и должны каждый день обращаться к совести всех народов, к совести германской нации, которую нужно вывести из ослепления. Будем же неустанно противопоставлять осторожному молчанию центральных империй ясные заявления союзнических держав, которые требуют только справедливости, и мирные условия которых не зависят от военных событий. В борьбе этих двух сторон перед общественным мнением превосходство принадлежит несомненно союзникам, если только они сумеют использовать свое оружие».

Что за вздор! Что такое совесть германского народа? Каждый класс его создает свою особую теорию, воинственную или нацифистскую, но всегда согласованную с «Deutschland über Alles», и не будет мира на земле до тех пор, пока не настанет «Deutschland unter Alles», а для этой цели мы должны продолжать борьбу до конца.

24 сентября. Эти глупенькие люди, желающие быть невинными, похожи на детей, тянущихся за луной. Они хотят невозможного и считают его возможным. Я говорю о социалистах. Вчера у них происходили собрания. Все они высказываются за участие в Стокгольмской конференции, при чем Тома делает оговорку, что вопрос об ответственности за войну должен быть подвергнут обсуждению. Конференция с немцами была бы похожа на игру в карты с шулерами. Апеллировать к совести германского народа вздорно. У них нет совести. А те, которые претендуют на таковую, подчиняют ее диктовке какой угодно бесчеловечности ради германского господства. Если состоится

конференция, на которую делегаты союзников отправятся с согласия своих правительств, то мы не получим мира, а будем ввержены в позорную отсрочку борьбы на несколько лет.

25 сентября. Здесь был некий джентльмен на пути из Рима. Он говорит, что в Турине происходили довольно серьезные беспорядки, и что в Риме достаточно громко шепчут о мире.

В России дела идут все хуже и хуже. Если бы только у Керенского хватило ума объединиться с Корниловым, чтобы выгнать всю эту сволочь из Петербурга, то, может-быть, был бы восстановлен хоть какой-нибудь порядок.

28 сентября. Некоторые лица думают, что Австрия находится при последнем издыхании и не может выдержать дольше, но она не может также заставить Германию заключить приемлемый для нас мир, а сепаратный мир с Австрией для нас неприемлем. Нужно было бы ей сперва сговориться с Италией, — а как это сделать?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Октябрь 1917 года.

1 октября. Марк Сайкс обедал со мною сегодня. Он интересен. Он намерен приступить завтра к переговорам об Аравии. Он видел Альбера Тома и намерен сообщить ему сведения относительно угнетения арабов турками, которые он сможет использовать в своей речи на конгрессе социалистов в Бордо 6 октября.

Джолитти и его группа грозят революцией, если мир не будет заключен немедленно. Тем временем наступление Кадорны превратилось в оборону. Положение в России становится все хуже и хуже, а Альбер Тома настаивает, чтобы мы относились к России с симпатией и своим ободрением помогли ей вновь собраться с силами и возобновить борьбу.

2 октября. Сегодня у меня был здесь полковник Обрей Герберт, член парламента; он туркофил. Он остановился здесь на пути через Рим в Албанию. Он намерен привезти из Соединенных Штатов албанцев, чтобы те сражались с болгарами. Он никогда не думал и сейчас не думает, чтобы война могла затянуться еще на одну зиму. Я спросил, кто же должен отказаться от борьбы, мы, французы, или американцы, или все трое

вместе. Он считает, что мы можем выдержать, но, принимая во внимание общую усталость от войны, огромные размеры военных расходов, настроение рабочего класса в Англии и в других странах, враждебное продолжению войны, было бы лучше всего заключить мир сейчас, когда налицо благоприятная возможность для заключения достойного мира. В ответ на расспросы он изложил свое представление о достойном мире, а именно: эвакуация Бельгии и Франции; часть Эльзас-Лотарингии уступается Франции; Малая Азия остается в руках Турции; для Армении предусматривается особое полунезависимое положение; турки остаются в Константинополе; проливы открываются для всех. Геджасский король получает три флага — свой собственный, турецкий и британский; Сирия и Палестина получают особый режим под господством Турции, и особый режим устанавливается для Месопотамии и Аравии под турецким и британским главенством. Энвера можно было бы кунить, и он (Герберт) убедился из личных бесед с турками в Швейцарии и Месопотамии, что на таких условиях Турция согласилась бы бросить Германию и помочь укрощению Болгарии. Австрия находится при последнем издыхании и готова заключить мир. Он не смог дать удовлетворительного ответа на мои расспросы о том, откажутся ли Франция и Италия от своих требований в Малой Азии, согласятся ли они на то, чтобы мы оставили в своих руках все, что мы заняли, и не отдали бы ничего ради мира, и согласятся ли американцы, вступившие в войну ради разрушения германского милитаризма и освобождения угнетенных национальностей, оставить Польшу и Армению под гнетом и Германию в качестве очень крупной военной державы. Что касается возвращения нами кое-чего, на основании бесед с генералом Смутсом,⁽⁶⁸⁾ он полагает, что относительно Восточной Африки возможны соглашения с Германией. Я сказал ему, что генерал Смутс, повидимому, не раскрыл ему своих действительных мыслей. Герберт одно из тех лиц, которым разрешается бегать повсюду в хаки и проповедовать мир.

4 октября. Х. был во французской главной квартире с Петэном, с которым имел потом частную беседу. По словам Петэна, нельзя позволить, чтобы дела шли так дальше. Британцы занимают только четверть всего фронта и должны значительно растянуть свой фронт. Он пустил в ход старый аргумент, что фронт наш слишком глубок. Х. не пришлось напоминать Петэну, что наши войска выдерживают всю тяжесть атак дополнитель-

ных германских дивизий. Если бы он это сказал, то ему пришлось бы добавить, что наши припасы, вспомогательные части, ремонтные мастерские и прочее находятся на французской территории позади линии нашего фронта, тогда как французская армия имеет все эти службы в пределах самой фронтовой полосы.

6 октября. Военный атташе уведомил меня, что Клемансо сообщил военному корреспонденту «Таймса», что немцы недавно предложили сепаратный мир Франции на основе уступки Эльзас-Лотарингии и левого берега Рейна, при условии разрыва Франции с Англией; Рибо получил эти информационные сведения от Клемансо. Если такого рода предложение было сделано, в чем я сомневаюсь, то сделано это было исключительно с целью рассорить союзников.

8 октября. Севастополю смущен заметным здесь недоброжелательным отношением к России. Русские рабочие увольняются их французскими нанимателями.

11 октября. Сегодня я сделал визит Клемансо; он считает военное положение благоприятным, но абсолютно необходимо растяжение британского фронта; если он будет растянут, то нетрудно будет дожидаться прибытия американцев. Я спросил его, какого рода условия предлагают Франции агенты, претендующие выступать от имени Германии; он ответил, что Рибо дал ему честное слово, что никакие специальные условия не были упомянуты. Это совпадает с тем, что я слышал от начальника кабинета Рибо. Хотя он не говорил об этом, я думаю все же, что Клемансо намерен сформировать министерство, если Пенлеве будет свергнут.

15 октября. В письме Ллойд-Джорджу я указал, что, по моим сведениям, Альбер Тома обижен, что не получает от него никаких сообщений, с тех пор как он покинул свой пост. Я добавил, что Тома, защищавший в прошлом участие в Стокгольме, не может публично бить отбой, не теряя своего влияния в социалистической партии, но что мне лично кажется невероятным, чтобы кто-либо из умных социалистов действительно мог верить, что путем личных дискуссий в Стокгольме с германскими социалистами можно заставить их, или вообще какого-либо немца, признать ответственность Германии за войну. Разумеется, германские социалисты не смогли бы доказать французским и британским социалистам, что Франция и Англия несут ответственность; более того, вопрос об ответственности будет только в свое

время представлять исторический интерес и в настоящее время не имеет практического значения. Суть дела заключается в том, чтобы как можно скорее разделаться с войной. Я добавил также несколько замечаний о громких требованиях, раздающихся здесь в публике и в кабинете, относительно растяжения британского фронта. Этот крик будет продолжаться, сколь бы ни были убедительны британские доводы против желаний французов, так как старшие классы французских солдат устали от траншейной работы, и французское правительство намерено вернуть их к частной жизни, заменив их британскими войсками.

16 октября. Телеграмма из Женева, напечатанная в сегодняшнем вечернем выпуске «Тан», сообщает следующее:

«Помощник германского статс-секретаря по иностранным делам фон-дем-Бупе сделал следующее заявление: «утверждение, сформулированное г-ном Рибо в его речи во французской палате 12 октября, согласно которому Германия дала понять французскому правительству, что оно имеет возможность начать переговоры о возврате Эльзас-Лотарингии, лишено всяких оснований. Германское правительство всякий раз, когда его зондировали по вопросу о возможном мире, не оставляло никаких сомнений относительно того пункта, что германская территория никогда не сможет стать предметом обсуждения с какой-либо иностранной державой». Итак, мы видим пробуждение Бриана от его сна.

27 октября. Только сегодня французским газетам разрешено было опубликовать так называемые инструкции, данные г-ну Скобелеву комиссией Советов. ⁽⁶⁹⁾ Комиссия эта претендует на назначение его своим делегатом на междусоюзническую конференцию в Париже. Русскому правительству было указано, что г-н Скобелев не является министром и не может быть принят поэтому, вопреки ожиданиям русского правительства, в качестве представителя России, и что вопросы, подлежащие обсуждению конференции, касаются не условий мира, а выбора наилучших средств для доведения войны до победы. Среди мирных условий, излагаемых советской комиссией, имеются следующие: плебисцит для Эльзаса-Лотарингии; возвращение Германии всех ее колоний; отказ от контрибуций, от экономической блокады, от сепаратных таможенных соглашений. Условия эти, должно быть, состряпаны в Германии и оплачены ею.

Итальянцы потерпели ужасное поражение, и неизвестно, останутся ли они в своем бегстве. Они потеряли триста орудий

и 30 000 человек пленными. Этого, как мне передают, не отрицает сам Кадорна. ⁽⁷⁰⁾

Сведения из Италии становятся еще хуже. Теперь немцы заявляют уже, что ими взято 60 000 пленных и 500 орудий. Сегодня днем я встретился с лэди Д., она приехала из Рима. По ее словам, там замечается и всегда замечалось сильное течение против войны. Теперь уже нет больше криков «вперед».

28 октября. Спайерс принес мне сегодня военные новости, и притом плохие новости, касательно Италии. А двумя часами позже военный атташе принес аналогичные сведения. Оба сказали мне, что Фош и Робертсон выезжают отсюда в Италию завтра вечером. Французское и британское правительства, быть-может, пошлют каждое по армейскому корпусу, чтобы попытаться повлиять на итальянский народ и приостановить бегство итальянских войск. 60 000 пленных могут скоро превратиться в 100 000. Наши и французские орудия не были потеряны, так как были вывезены с передовых позиций, итальянцы же потеряли в горах бесчисленное множество орудий и припасов. Известна аксиома, что тот, кто держит в своих руках Ломбардию, господствует над Италией. Таким образом, возможно, что неприятель вскоре будет господствовать над Италией. Несчастные итальянцы! Но несчастны и мы.

Сэр Вальтер Лауренс из главной квартиры посетил меня; Хэг настроен очень оптимистично. В наших предприятиях, работающих на оборону, незаметно особого желания окончания войны, так как заработная плата высока; общество полно пессимизма и тревоги из-за воздушных налетов, но в общем публика здорова.

Недавно был произведен обыск в помещении Action Française ⁽⁷¹⁾ и в других местах. Правительственное сообщение в печати заявляет, что были открыты склады оружия, а также «Инструкция, проводящая гражданскую войну, путем вооружения граждан друг против друга». Инструкция исходит от роялистов, но их настолько немного, что с ними не приходится считаться. Склады оружия свидетельствуют об общем недовольстве, распространившемся на многих людей, не являющихся непременно роялистами, по поводу клик, которые претендуют на управление страной! Если французские армии на фронте прогонят немцев, то можно будет направить в Париж армейский корпус, который свергнет нынешнюю правительственную шайку. Никто не может оказаться

хуже ее, и все порядочные люди в стране оказались бы сторонниками смены власти. Нам не пришлось бы более слушать так много вздора о Лиге Наций и вечном мире, как сейчас. В виду того, что фраза эта была пущена социалистами и президентом Вильсоном, никто из лиц, занимающих видное политическое положение, не решается высмеивать «Лигу Наций». Кто принял бы на себя поддержание мира, если бы оказались разногласия между двумя или несколькими нациями, входящими в союз, и если спорящие нации были бы готовы решить вопрос путем борьбы?

29 октября. Теперь немцы уверяют уже, что ими взято 80 000 пленных итальянцев и свыше 600 орудий. Робертсон прибудет сегодня вечером и отправится в Италию вместе с Фомом. Кадорна выпустил приказ, в котором делается выговор двум итальянским дивизиям, обратившимся в бегство и создавшим брешь, через которую немцы проникли глубоко в итальянское расположение. Здепшняя цензура запретила опубликование этого приказа из опасения, что газеты могут обидеть латинскую сестру. Немцы утверждают также, что ими заняты проходы в Венецианскую долину. Итальянские генералы надеются приостановить дальнейшее движение немцев, но это только надежды.

Имеются доказательства, что так называемое русское правительство ведет переговоры с немцами.

Позже. Французы и мы намерены послать войска в Италию, чтобы показать синий цвет и хаки и предовратить, таким образом, дальнейшее бегство, но Робертсон, проезжавший через Париж вчера вечером, считает, что послать британские войска в Италию, — это значит выбрасывать хорошие деньги после плохих. Немцы заявляют уже о 100 000 пленных итальянцев и свыше 700 орудий.

30 октября. Немцы заняли Удине, но никаких новых известий с итальянского фронта нет.

Керенский, считая, что его жена недостаточно достойная спутница для него в Зимнем дворце, бросил ее, заявив, что, поскольку он является сейчас атеистом, он не связан более обетами церковного брака. Он приблизил к себе танцовщицу из русского балета.

31 октября. Итальянцы как будто несколько оправились.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Ноябрь — декабрь 1917 года.

4 ноября. Радио, посланное вчера днем из Вены, сообщает, что австро-германские войска перешли Изонцо в нижнем течении во многих местах, и приближаются к Венецианской долине в направлении Талиаменто и горных областей у истоков реки. Повсюду они находят богатую добычу. В обращении к итальянскому народу австрийцы заявляют, что ими взято 120 тысяч пленных и 1300 орудий, и что народ был обманут Саландрой, Соннино, д'Аннунцио и интервенционистами. Прокламация призывает народ сбросить с себя тиранию виновников войны, которые ввергли страну в величайшее бедствие, либо из-за того, что продались Англии, либо уступая эгоизму капиталистов.

5 ноября. Племянник Остина Ли был здесь вчера проездом с итальянского фронта на пути в Англию. Он сообщил, что наши орудия были увезены, но вся аммуниция была потеряна, а французские орудия, которые не удалось увезти, разрушены. Далее, он сообщил, что 100 тысяч итальянских солдат сложили оружие с возгласами «да здравствует мир!»

Говорят, что если бы министры не выехали в Италию, то с правительством было бы покончено уже в конце недели. Правительство Клемансо, повидимому, неизбежно.

10 ноября. На совещании, состоявшемся 7-го в Раппало, представители Англии, Франции и Италии решили учредить высший военный совет в целях «лучшей координации военных действий на западном фронте». Совет будет собираться по правилу в Версале, где живут военные представители.

15 ноября. Клемансо предложено составить правительство, что он и намерен сделать. ⁽⁷²⁾ Он может иметь успех и удержаться у власти, так как он будет настаивать на прекращении всякого рода скандальных партий. Столь же важно и то обстоятельство, что он не принадлежит к числу людей, склонных к мирным маневрам.

17 ноября. Мне передают, что когда на заводах, работающих на оборону, и на электрических станциях начался саботаж, Клемансо сообщил в 4 часа дня вождю Генеральной конфедерации труда, что если это будет продолжаться, он наводнит Париж войсками и возложит ответственность на Конфедерацию труда. Саботаж прекратился!

5 декабря. «Виктуар» вновь выдвигает свое предложение о назначении французского генералиссимуса и междусоюзнического штаба. Это делается в связи с ударом, нанесенным немцами в районе Камбрэ. Я посылаю резюме по почте в Лондон вместе с извлечением из статьи «Эко де Пари», которая признает невозможность таким способом ликвидировать существующие затруднения и выражает надежду, что Версальская конференция приведет к улучшению существующего положения.

Недурное трио представляют собою русские мирные парламентарии: еврей, доктор из 5-й армии, доброволец немецкого происхождения и гусарский офицер, выгнанный из армии за растрату. ⁽⁷³⁾ Этому почтенному субъекту было разрешено посетить наши авиационные заводы в Англии, так как, несмотря на то, что он был подозрителен, у военных властей не было доказательств.

4 декабря. Сегодня днем я видел Мильнера. Он возвращается в Версаль сегодня вечером. Поражение, которое мы потерпели при Камбрэ, вызвано, повидимому, неосмотрительностью и нестойкостью одной английской дивизии.

6 декабря. Смутс считает, что вопрос о германской восточной Африке, не есть южно-африканский вопрос, а является вопросом имперским, и что с точки зрения Британской Империи германская восточная Африка не может быть возвращена, так как она соприкасается с Занзибаром и господствует над нашими путями в Индию. Забастовки в департаменте Луары окончились, и войска возвращаются из Лиона.

Германские радио заявляют, что в боях под Камбрэ немцами взято свыше 9000 пленными, 148 орудий, 716 пулеметов, и что подступы к порту Калэ, равно как Лондон, Довер и ряд других английских городов подверглись германскими авиаторами бомбардировке, вызвавшей многочисленные большие пожары. Сообщается также о заключении десятидневного перемирия на всем фронте от Балтийского до Черного моря и на русско-турецком фронте в Азии.

8 декабря. Бывший министр Этъен посетил меня сегодня днем. Он негодует на русских. Публика начинает здесь понимать, что казаки едва ли принесут нам реальную пользу. Россия будет находиться в состоянии брожения на долгое время. Отбросы поднялись сейчас наверх в виде накипи, и потребуются кровожадный диктатор для того, чтобы эту накипь снять. Такой

диктатор найдется, когда народ начнет страдать от этой сволочи. В настоящий момент они не хотят сражаться, и нет никого, кто бы заставил их сражаться. Они хотят грабить и делить землю. Некоторое время спустя они передерутся между собой, и тогда настанет момент для появления диктатора.

Перспективы мрачны почти во всех отношениях, но я верю в наш народ и во французов. Будем надеяться, что немцы, посеявшие семена социализма в его крайней форме, пожнут у себя вихрь революции и террора. Однако, в своей надежде я не слишком уверен.

10 декабря. Троцкий до войны жил в качестве революционного эмигранта в Париже. Когда разразилась война, его заподозрили в шпионаже и выселили в Испанию в октябре 1916 г. Он был обвинен в анархизме, арестован и препровожден согласно его просьбе в Кубу, откуда он, кажется, через Англию вернулся в Россию после свержения императора.

11 декабря. Хаос в России является предметным уроком для французов, запрещающим им иметь социалистическое министерство. Даже в том случае, если такое министерство составлено из так называемых умеренных членов партии, оно пойдет за крайним партийным меньшинством из боязни потерять голоса во время выборов.

Занятие Иерусалима отрадное событие. Но нам нужно гораздо больше для уравнивания поражения под Камбрэ и печального положения Италии. Что касается России, то пусть они дерутся между собою до тех пор, пока максималисты не ожесточат большинства и не будут убиты. Между тем здесь и в Англии встречаются люди, притом серьезные люди, поддающиеся вере, что будущим летом у нас будет вооруженная помощь России. Возможно, что эта страна к тому времени вовсе перестанет существовать как целое.

15 декабря. Немцы отрицают утверждение Бальфура, что они зондировали нас относительно условий мира. Они говорят, что нейтральное лицо, действовавшее несомненно в наших интересах, запрашивало о целях немцев. Германское правительство не может довериться нейтральному в вопросе об условиях мира.

16 декабря. В речи, произнесенной в Берлине, Тирпиц заявил, что Германия должна получить Фландрию, Антверпен, Зеебрюге, Остенде, Калэ, Брие и Лонгви. Эту декларацию сле-

довало бы распространить по всей Англии и Франции, чтобы восстановить народы против пацифистов и мирных переговоров с Германией до того, как она будет разбита. Ллойд-Джорж произнес прекрасную речь. Газета Клемансо «L'Homme Enchaîné» заключает хвалебную статью следующими словами:

«Критический момент пройдет. Наступит час решения. К этому часу уже теперь должны готовиться все союзники, думая только об одном: единая армия и единая война, единое направление. Вот этого-то и недостает в речи г-на Ллойд-Джорджа. Мы можем победить. Мы победим. Мы победим скорее, если в единой и нераздельной Антанте будет один фронт, один план, один вождь».

17 декабря. Норвежские социал-демократы предложили норвежскому комитету, ведающему ежегодным присуждением нобелевской премии мира, выставить в качестве кандидатов Ленина и Троцкого. В нынешнем году это предложение запоздало. Однако, президент комитета сказал, что если бы им удалось восстановить мир и порядок, то предложение это можно рассматривать, как вполне уместное.

18 декабря. Мне думается, что мы сделали ошибку, выдав русских анархистов вследствие угроз Советов, после того как мы отказались это сделать! К нам будут обращаться все с новыми требованиями. Это Бьюкенен посоветовал сдать. Он заявил, что не может взять на себя ответственность за возможные последствия нашего упорного отказа.

23 декабря. Маклаков, так называемый русский посол, посетил меня сегодня днем. Ему хотелось узнать, вступили ли мы в сношения с петербургским большевистским правительством. Я ответил, что только как с правительством *de facto*, с которым необходимо иметь связь ради охраны интересов наших подданных, но это не означает признания какого-либо правительства, не установленного авторитетом правильно избранного Учредительного собрания. Он сказал, что для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание явится фарсом. Он видел в прессе сообщение, что бывший министр юстиции Щегловитов, известный реакционер, выпущен на свободу и используется большевиками, которые, по его мнению, готовят при помощи немцев возведение на престол кого-либо из членов российского царствующего дома. То,

что останется тогда от России, будет выдано на полный производ Германии. Я спросил его, согласятся ли на такое решение Украина, Сибирь и другие части России. Он ответил, что, быть-может, не согласятся в данный момент, но что заводы, изготовляющие военное снаряжение, окажутся в руках руссогерманцев, и казаки останутся без артиллерии. Я спросил его, не выступит ли народ против Ленина и Троцкого из-за недостатка продовольствия в Петербурге. Он думает, что так оно и будет, но что это не изгонит немцев.

Миликов говорил Маклакову, что британское правительство подстрекало русское требовать Константинополь, чего русские, за исключением отдельных лиц, не хотели, так как знали, что владение Константинополем принесет затруднения и сделает невозможным какое-либо примирение с турками. Маклаков говорит, что русский народ не созрел до республики. Он хочет конституционную монархию. Маклакову передавали также, что Бьюкенен предлагал державам Антанты освободить Россию от ее обязательств по отношению к ним. Он считает это глупостью, и неудивительно. Мы не можем заставить их сражаться на нашей стороне, но зачем освобождать их от их обязательств и предоставлять им этим возможность доказывать, что они прекратили борьбу с Германией с согласия и по предложению Антанты.

24 декабря. Сегодня днем меня посетил Мильнер. Он не является ярким сионистом. Он только надеется, что принятие программы сионизма может сослужить нам службу; но что будет, если в Палестине евреи поссорятся с арабами, и арабы, являющиеся воинами, начнут бить евреев, которые с библейских дней стали пацифистами? Несомненно евреи обратятся к британским христианам за защитой против арабов. А если эти христиане окажут им поддержку, то что скажут мусульмане, арабы, индийцы и т. д.? Я думаю, что сионизм — это вздор.

25 декабря. В «Matin» опубликована статья Альбера Тома. Он продолжает верить в себя и в крупную роль Лиги Наций в борьбе против войны. Возможно, что определенные державы придут к соглашению друг с другом, что в случае отказа какого-либо государства подчиниться арбитражу при разногласии с другим, договорившиеся стороны вмешаются для предупреждения войны: но даже в таком случае некоторые государства будут медлить, и если их собственные интересы не будут затронуты,

то они попросят уволить их под тем или иным более или менее благовидным предлогом.

27 декабря. Если Япония или Америка будут медлить с занятием Владивостока, ⁽⁷⁴⁾ то русские максималисты смогут захватить или уничтожить военное снаряжение, выгруженное там Антантой для русских, когда они сражались на нашей стороне. Было ли когда-либо на свете что-нибудь более жалкое, чем переговоры максималистов с бошами и австрийцами. Непременное условие, что Германия должна получить обратно все отнятые у нее колонии, должно было бы заставить наших миротворцев умолкнуть.

28 декабря. Бен Тиллет приходил сегодня утром с двумя другими. Он передал мне сожаление Эпильтона, по поводу того, что тот был вынужден уехать, не повидавшись со мной. Все трое вместе с одним французским социалистом приглашены завтра к завтраку. Я предоставил Тиллету на завтра мой автомобиль для утренних визитов.

31 декабря. Сегодня утром Клемансо и Пишон приняли объединенную делегацию социалистических депутатов, а именно Тома, Юбер-Руже, Реноделя, Кашэна и Жана Лонгэ. Они просили о паспортах в Петербург с целью предупредить сепаратный мир России с центральными державами или, по крайней мере, добиться, чтобы он был как можно менее вреден для Франции. Он отказал (браво, Клемансо!) по той причине, что положение в Петербурге слишком неопределенное, чтобы можно было рассчитывать на полезные результаты их вмешательства. А выдача паспортов создала бы ложное впечатление относительно позиции французского правительства: можно было бы подумать, что оно принимает участие в переговорах в целях заключения прелиминарного мира и т. д.

Мирные предложения бошей абсурдны, но я не думаю, чтобы отсутствие в них «свободы морей» означало отказ их от этой идеи. Она вновь появилась бы, если бы мы пошли на переговоры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Январь 1918 года.

6 января. Сегодня приходил ко мне Севастополо. Он считает, что Киев может вновь стать столицей России. Он говорит, что Финляндия, не имеющая своего хлеба, не может жить

вне зависимости от России. Теперь, когда отпала необходимость заботиться о квартире для императорской семьи, перевод правительства из Петербурга в Москву или в Киев не представит затруднений. Так говорит Севастопуло; но прежде чем вести разговоры о новой столице, Россия должна оправиться.

7 января. Какой-то Дж. вернулся с рассказами о том, как угнетен Лондон: публика начинает обнаруживать сильное недовольство из-за недостатка продовольствия, она недовольна также правительством; банкиры утверждают, что только Америка спасла нас от финансовой катастрофы, что мы должны иметь мир немедленно. Я спросил его, готовы ли банкиры, о которых он упоминал, платить контрибуцию по германскому миру, так как только такой мир достигим в настоящий момент.

8 января. Я полагаю, что премьер-министру пришлось ради поддержки со стороны рабочей партии заявить, что судьба захваченных германских колоний должна быть решена мирной конференцией. Когда наступит этот момент, можно будет найти сколько угодно всяких доводов, чтобы не возвращать их Германии, но наши союзники будут ссылаться на его слова, желая получить уступки, которые немцы станут обещать, если мы, согласно нашим обещаниям, передадим вопрос о колониях на решение конференции.

9 января. Мне не нравится меморандум президента Вильсона о целях войны. (73) Альбер Тома, этот социалист, проповедывавший плебисцит, бьет теперь отбой относительно Эльзас-Лотарингии, вступив, таким образом, в конфликт с некоторыми из своих хороших товарищей.

10 января. Я надеюсь, что Ллойд-Джордж найдет способы затушевать свои компромиссные заверения относительно германских колоний, но что мне совсем не нравится, это меморандум Вильсона. Наши колонии выскажутся, когда настанет время для конференции, и с их благополучием нужно считаться больше, нежели с красивыми фразами президента Вильсона. Что он понимает под абсолютной свободой навигации в морях за пределами территориальных вод в мирное, равно как и в военное время? Что означает равенство условий торговли? Наконец, каково значение двусмысленного пятого условия, касающегося колоний? Он хочет иметь Россию в качестве поля для коммерческой деятельности Соединенных Штатов и относится к шайке Ленина и Троцкого, как к людям, достойным уважения.

15 января. Здесь считают, что в Англии уделяют слишком много внимания крайнему крылу рабочей партии и г-ну Гендерсону, а также его непрерывным попыткам организовать международную конференцию в Стокгольме или Копенгагене или еще где-нибудь. Я полагаю, что в Англии сотрудничество с шумливыми социалистами нужнее, чем здесь. Здесь они поболтали в свое время, а теперь они дискредитированы в стране и не имеют силы в палате; они знают, что в лице Клемансо они имеют дело с человеком, который не поколеблется активно выступить против всяких беспорядков, вызванных ими.

К сожалению, с Альбером Тома считаются в Англии. Он должен понять, что мелет вздор о Лиге Наций и о целесообразности встречи с дорогими русскими товарищами. Представьте себе, что за глупость думать, — а так думают вожди французских социалистов, — что русских максималистов можно убедить в их неправоте, уговорить их прекратить свои эксцессы и начать новую жизнь.

У нас было уже достаточно и более чем достаточно деклараций о целях войны. Если Антанта попытается состряпать коллективную ноту, определяющую цели войны более детально, чем это было сделано уже в заявлениях Ллойд-Джорджа, Вильсона и Пишона, то мы раздеремся.

15 января. Что за вздор пишет сегодня Герберт Уэллс в парижском издании «Дэйли Мэйл» в статье, посвященной восхвалению большевиков!

17 января. Передают слова, якобы сказанные Бертело, что дипломатические паспорта выдаются только шпионам и кокеткам. Почти каждый день происходят новые аресты. Враждебное настроение против большевиков здесь очень сильно. И они до сих пор еще не назначили своего представителя. Удивляются тому, что мы вступаем в сношения с правительством в Петрограде и его представителями в Англии.

22 января. Вести из России и Украины производят тяжелое впечатление; французы гораздо более сдержанны по отношению к большевикам, чем мы.

В пятницу я встретился с Извольским за обедом. Он хочет говорить со мной о России. Он клянется, что лично был против передачи России Константинополя, который он желал бы видеть вольным городом в руках турок, но ему приходилось слушаться приказов и требовать Константинополя в угоду общественному

мнению в России. Извольский, хорошо знающий Японию и Сибирь, рекомендует японскую интервенцию. Если вмешаются китайцы, то сибиряки бросятся в объятия большевиков. Он не видит возможности возрождения империи и вообще монархии в России. Лучшее, на что можно надеяться, это федерация государств. Сепаратный мир между Украиной и Германией был бы несчастьем, так как немцы смогли бы вывозить из Украины припасы в безграничном количестве. Извольский хотел бы при помощи союзников воспрепятствовать переходу Архангельска и Сибири в руки большевиков.

25 января. Гомруль для Ирландии может быть полезен или вреден для Британской империи. Однако, вмешательство в это дело со стороны американского президента или конгресса было бы чудовищным безобразием. Парижский «Дэйли Мэйл» публикует сегодня письмо или телеграмму от своего вашингтонского корреспондента, предсказывающую такого рода вмешательство, если британское правительство не проведет гомруля: «И народ Соединенных Штатов также не допускает мысли, чтобы Ольстеру (76) позволили отделиться от остальной Ирландии, как он не допускает мысли о разрешении южной Каролине отделиться от Союза».

Немецкие социалисты начинают выступать против его величества, но зайдут ли их возражения против действий императора и его генералов настолько далеко, чтобы принести нам реальную пользу? Я в этом сомневаюсь. В Австрии социалисты работают хорошо. (77)

24 января. Недурную чертовщину завели мы у себя сами, приняв большевика Литвинова в качестве квази-представителя большевистского правительства, вместо того, чтобы арестовать его, как только о нем узнали. Здесь такого рода представителей нет. Практикуемая нами возня с большевиками не оплачивает себя; ошибкой было разрешение Гюисмансу высидеться в Соединенном Королевстве. Резкие выступления Литвинова были встречены приветствиями. Он подстрекал англичан поступить по примеру большевиков с целью достижения мира. Жена Литвинова британская подданная, а сам он долгое время жил в Англии.

26 января. Вождь рабочей партии Гендерсон распространяет разные вздорные мнения. Если бы ему предоставить свободу действий, то он довел бы до распада Британской империи. Он говорит о завоевании страны на ближайших общих выборах и о том, что он станет премьер-министром. Я надеюсь, что мы

не доживем до такого конца, но большевизм, повидимому, болезнь заразительная, и, к несчастью, Германия в настоящее время имеет против него иммунитет.

Вчера вечером я встретился с Извольским за обедом. Кроме нас, был еще только председатель бюджетной комиссии палаты. Извольский считает Украину в настоящий момент потерянной. Концентрированное давление на большевиков должно быть начато из Архангельска, Сибири и Кавказа; державы Антанты должны предоставить деньги, оружие и амуницию, а также высадить небольшое количество войск в Архангельске; японцы должны высадить войска в Порт-Артуре или Тянь-Цзине вместе с американскими и британскими контингентами; сибиряки присоединятся к ним и выгонят всех большевиков; британские войска из Месопотамии поддержат армян и черкесов и т. д. Очень длинная волянка. Извольский утверждает, что у него нет личных мотивов для этих происков, и считает, что в конце концов одержат верх кадеты; бывшая Российская империя распадется на отдельные государства, которые, быть-может, образуют конфедерацию, во главе которой, может-быть, окажется монарх. Он не думает, что Антанта окажется, таким образом, в состоянии войны с Россией, она поможет только лояльным по отношению государства элементам подавить большевиков. На это потребуется известное время, а между тем Германия будет вывозить продовольствие и прочее из Украины и Румынии. Французские капиталы в России, в форме займов, инвестиций и т. д., достигают суммы в 800 миллионов фунтов. Один из аргументов Извольского в пользу его архангельского плана, понравившегося председателю бюджетной комиссии, заключается в том, что леса этой области, представляющие безграничную ценность, могут быть захвачены, как обеспечение предоставленных Францией займов. Извольский напомнил мне, что мы торговали с Архангельском еще во времена королевы Елизаветы.

27 января. Сегодня я завтракал у Жозефа Рейнака. Он считает, что мы обнаружили явную слабость по отношению к большевистскому правительству в Петербурге. Присутствовавший Генри Вильсон объяснил ему, что Ллойд-Джордж не мог отказаться от сношений с ними из-за давления рабочей партии.

Передают, что Кадорна предстанет перед военным судом, отчасти из-за того, что некоторые части его войск сложили оружие, главным же образом из-за того, что он критиковал прави-

тельство за недостаточное внимание к его представлениям о том, что войска его развращены социалистами.

28 января. Маклаков приходил ко мне, чтобы отсоветовать какую бы то ни было связь с большевистским правительством. Ленин и Троцкий приписали бы такого рода позицию нашему страху и усилили бы свою пропаганду в Англии. Россия на некоторое время должна оказаться бесполезной для Антанты, но она не принесет также много пользы и Германии. В России более или менее повсеместно будут голод, мор, гражданская война и господство террора. Большевизм не удержится, и если мы вступим в переговоры с большевиками, то пожнем недовольство всех порядочных русских теперь и по окончании войны. Из боязни заразить свои войска большевизмом, германское командование не осмелится проникнуть вглубь севера России, где эта болезнь свирепствует.

30 января. Итак, Смутс говорил в географическом обществе о германских намерениях в Африке. Он, повидимому, и вполне разумно, — против возвращения чего бы то ни было немцам, а относительно германской восточной Африки он говорит: «Преждевременное и неблагоприятное возвращение германской восточной Африки ее бывшим владельцам могло бы иметь последствия, выходящие далеко за пределы африканского континента. Быть-может, мне разрешат выразить горячую надежду, что страна, в которой столь много наших героев потеряли свою жизнь, никогда не станет угрозой будущему мирному развитию мира». Bravo, Смутс!

Еще одно излияние Альбера Тома. Он призывает державы Антанты к объединенному выступлению по вопросу об условиях мира. Всякая попытка притти к соглашению относительно такой декларации повела бы к затруднениям, спорам и разногласиям. От нас, как от единственной европейской державы, занимающей вражеские территории, наши союзники стали бы ожидать, что мы будем платить за разбитые горшки, возвратив Германии и Турции занимаемые нами территории, чтобы обеспечить хотя бы частичное принятие Германией условий Антанты. Будем продолжать борьбу, и пусть голод, мор, недовольство и забастовки совершают свою медленную, но верную работу, которая сломит заносчивость немцев.